

**Means the verbal manifestation of emotions
in lyrics by I. A. Bunin
Chetvericova O. (Russian Federation)
Средства вербальной манифестации эмоций
в лирике И. А. Бунина
Четверикова О. В. (Российская Федерация)**

*Четверикова Ольга Владимировна / Chetverikova Olga – доктор филологических наук, профессор,
кафедра отечественной филологии и журналистики,
Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир*

Аннотация: статья посвящена проблеме языкового означивания эмоций в поэтической речи И.А. Бунина. Слово, объективируя в языке результаты когнитивно-аффективной деятельности автора, выступает выразителем «живого» знания и «значащих переживаний» субъекта речи, что обеспечивает доступ к информационной, смысловой и эмоционально-образной базе художника слова.

Abstract: the article deals with the linguistic signification of emotions in the poetic speech of I. A. Bunin. The word, objectivity in the language of the results of cognitive-affective activity of the author, expresses the "live knowledge" and "meaningful experience" of the subject of speech, which provides access to information, semantic and emotional-shaped the basis of the artist's words.

Ключевые слова: художественная модель мира, поэтический текст, значение как «живое» знание, эмоционально-оценочный компонент значения, эмоциональная доминанта.

Keywords: artistic model of the world, poetic text, meaning as "live knowledge", emotionally-estimated component of word meaning, emotional dominant.

Эмоциональность, будучи облигаторным свойством человека, представляет собой важную составляющую процесса речевой деятельности и коммуникации, ибо регулирует основные процессы смыслопорождения и формирования прагматики высказываний. Особенности вербальной манифестации эмоций «высвечивают основные механизмы функционирования человеческого мышления» [3, с. 6]. Исследование средств языкового означивания эмоций в поэтической речи представляется актуальным, так как всё в лирике фиксирует не событие, а переживание этого события. Иными словами, в поэтическом тексте с помощью разно уровневых знаков языка осуществляется репрезентация психологического состояния лирического героя, описывается мир его чувств и переживаний.

Заметим, что эмоциональное закрепление эстетически и семантически значимых элементов речи убыстряет процесс понимания. Эмоции направляют поток разнообразных авторских ассоциаций, позволяющих сопоставлять разные реалии на основе одинакового субъективно-эмоционального отношения к ним [4]. Форма поэтического текста как художественной модели мира автора коррелирует со смысловым содержанием произведения, обладает речевой экспрессией, предопределённой эмоциональным состоянием художника, и воплощается в структуре текста, ориентированного на произнесение вслух. При этом слово, объективируя в языке результаты когнитивно-аффективной деятельности автора, выступает выразителем «живого», актуального знания и «значащих переживаний» субъекта речи, что обеспечивает доступ к информационной, смысловой и эмоционально-образной базе художника слова.

И.А. Бунин использует в своей поэтической речи различные средства актуализации эмоционально-оценочных сем. В его лирике широко представлены: а) лексемы, несущие эмоционально-оценочные архисемы (*радость, восторг, наслаждение, утешение, печаль, тоска, уныние, отчаяние* и др.). Наиболее частотные номинации в лирике И.А. Бунина – *любовь, радость, счастье, тоска*. Однако основной эмоциональный тон его поэзии создаётся не отдельными наименованиями, а семантическими объединениями слов, маркирующих эмоции: «печаль»/ «страдание»; «радость»/ «грусть»/ «тоска»; «удовольствие»/ «утешение». Таким образом, поэзия И.А. Бунина сочетает в себе любование, наслаждение с грустью и печалью: *Сухие листья, запах пряный,/ Атласный блеск березняка...// О миг счастливый, миг обманной,/ Стократ блаженная тоска («Раскрылось небо голубое», 1901); Мы в призраки не верим; но и нас /Томит любовь, томит тоска разлуки...// Я им внимал, я слышал их не раз,/ Те грустные и сладостные звуки! («Призраки», 1905); Этой краткой жизни вечным измененьем / Буду неустанно утешаться я... («Этой краткой жизни вечным измененьем...», 1917)*. Заметим, что одним из знаков авторства [5] в лирике И.А. Бунина является повтор или сочетание лексем, актуализирующих эмоциональное состояние персонажа и вовлекающих в орбиту этого состояния читателя: *Так больно было мне остаться без ответа!// Но всё-таки я рад, что ясного рассвета,/ Что жизнь твою не буду омрачать («Без слов мы навсегда простились с тобою...», 1894); О радость радостей! Нет, знаю, / Нет,*

верю, господи, что ты / Вернёшь к потерянному раю / Мои томленья и мечты! («О радость красок!», 1917);

б) лексемы с оценочным значением (*аромат, грозный, хмурый, жестокий, милый, чудесный, благоухать* и др.): *В росе их крылья, в росе бурьяны, / Благоухают поля со сна* («Дымится поле...», 1901); *Летился городок, сырой, забытый всеми, / И человек скорбел под сводом хмурых туч* («Мулы», 1916);

в) лексемы, содержащие эмоционально-оценочные потенциальные семы (*солнечный, утренний, загадочный, пустыня, холод, ветер, могильно* и др.): *И взгляд её, загадочный и зыбкий, / Мерцает всё бесстрастней и мертвей...* («Богиня», 1916); *В холодной прихожей темно, / И сумерки, с ночью мешаясь, / Могильно синеют в окно* («Мы сели у печки...», 1917). Эмотивное поле текста раскрывает себя в окказиональных составных прилагательных с цветовой семантикой (*свет серебристо-голубой, сирень с отливом млечно-золотым, восторг радостно-безумный*);

г) поэтические символы, создающие эмотивный фон и выполняющие текстообразующие функции. Символ, будучи категорией эстетической, в то же время предстаёт как признак когнитивного плана, отражающий специфику авторской категоризации действительности. Г.Д. Гачев писал: «Лирика взволнованна, её образ и произведение – всегда символ; слово выхватывает из потока бытия одно мгновенное переживание (мысль) и должно через него дать законченное высказывание обо всем (выделено автором. – О.Ч.) бытия ...» [2, с. 130]. Лексемы *свет, звезда, ночь, море, закат* и др. неразвёрнуто актуализируют эмотивные доминанты бунических текстов – ‘грусть’, ‘тоска’, ‘радость’, что отражает индивидуальное эмоциональное восприятие мира художником слова: *Пылай, играй стоцветной силою, / Неугасимая звезда, / Над дальнею моей могилою, / Забытой богом навсегда!* («Сириус», 1922);

д) И.А. Бунин часто использует в поэтических текстах лексемы, семемы которых содержат коннотативные семы, характеризующиеся национальной спецификой и репрезентирующие национальные концепты. Для русского человека лексемы *степь, поле, колокольчик* ассоциируются с необозримым пространством, свободой, дорогой, жизнью, встречей или, наоборот, разлукой: *Впереди опять свобода, / Степь, простор и небеса* («Цыганка», 1889); *Колокольчик, плачущий счастливо, / Что на свете всё авось да случай* («Едем бором, чёрными лесами», 1916);

е) флоризмы в бунической поэтической модели мира также служат экспликации эмоционального состояния персонажа. Так, например, флоризмы *мирт, ковыль, тополь, кипарис, дурман* означают мотив смерти и эмоциональную доминанту «тоска»: *Как чернец, над белым саркофагом / В синем небе замер кипарис* («Гробница Сафии», 1906); *Жду нового венка – и помню, что сплетён / Из мирта тёмного он будет* («Два венка», 1952); *И тополь тянется в открытое окно / И ладаном благоухает* («Под вечер», 1905). Переосмысление семантики слова опирается на устно-поэтические традиции, на наличие «области семантического пересечения» номинаций, на ассоциации говорящего;

ж) означиванию эмоциональной сферы лирического героя служат у И.А. Бунина экспрессивные синтаксические конструкции. Его герой ориентирован на свой внутренний мир, ему свойственны пограничные состояния (страсть-страдание, горе-радость, восторг-отчаяние), он пытается найти ответ на «вечные» вопросы. Как следствие, бунический текст испещрён вопросительными знаками, многоточиями, тире как маркерами психологического пространства героя: *А хата молодела – зарделась, застыдилась – / И празднично блестело протёртое стекло* («Старик у хаты веял», 1903). В экспрессивных синтаксических конструкциях в качестве структурирующего элемента могут выступать контрастные по значению лексемы, актуализирующие эмоциональную доминанту текста: *И гул сосны, и ветерка / Однообразный шелест в чаще... / Невыразима их тоска, / И нет её больней и слаще* («Вирь», 1900); *Люблю я смех и радость, / Но в радости моей – всегда тоска, / В тоске всегда – таинственная сладость!* («Джордано Бруно», 1906). Конструкции с обращениями лирического героя к природным реалиям (солнцу, кусту, небу, месяцу, звёздам и т.п.) служат объективации эмоциональной сферы говорящего и указывают на присутствие языческого компонента в мировоззрении поэта: *Здравствуй, небо, здравствуй, ясный месяц, / Перелив зеркальных вод и тонкий / Голубой туман...* («Венеция», 1913). Поэтическая речь И. Бунина афористична (*Даже запахом сигары / Снова сладок божий мир; / Но страшен миг, когда стремленья нет*), что также служит формированию эмоционального фона текста.

Литература

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. – М.: Изд-во: Правда, 1988.
2. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Изд-во «Флинта», 2008. 288 с.
3. Ионова С.В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты, перспективы // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. науч. тр./ ВГПУ. – Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004. С. 4-23.

4. *Кинцель А.В.* Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2000. 152 с.
5. *Четверикова О.В.* Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности. – Армавир: РИО АГПА, 2013. 236 с.